Васильев А.М. ♦

Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряженное с исчезновением человека преступление

Аннотация: Статья посвящена криминологическому анализу чрезвычайно разнообразных по своим объективным и субъективным признакам преступлений, сопряженных с исчезновением людей. Именно по этой причине очень сложно дать обобщенную характеристику лиц, совершающих рассматриваемые деяния.

Основная цель создания различных типологических вариантов личности преступников состоит в оказании помощи правоохранительным органам в изучении лиц данной категории, причин совершаемых ими преступлений, в разработке наиболее эффективных тактико-психологических приемов и методов разоблачения их преступной деятельности, в определении мер уголовной ответственности за содеянные ими преступления и последующего воспитательного воздействия на их личность.

При разработке типологии лиц, совершающих преступления, можно использовать различные подходы, основания, критерии (правовые, социальные, психологические и т.д.), типообразующие признаки (например, социально-демографические - пол, возраст, образование и т.д.).

В исследовании предпринята попытка деления лиц на два преступных типа - эндогенные и экзогенные преступники - и их описания. Типология преступников, совершающих сопряженное с исчезновением людей преступление, включает в себя лиц с ярко выраженной антисоциальной установкой и лиц, таковой установкой не обладающих. К первой группе преступников следует условно относить:

– лиц, совершающих похищения людей с целью получения выкупа либо последующей продажи или эксплуатации потерпевших;

– лиц, совершающих убийства, замаскированные под безвестное исчезновение гражданина;

– лиц, совершающих террористические акты или иные преступления, создающие опасность гибели людей и влекущие их исчезновение.

♦ **Васильев Алексей Михайлович** - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики филиала Кубанского государственного университета, г. Тихорецк, Российская Федерация; e-mail: alexey771977@mail.ru

Вторую группу преступников образуют лица, совершившие преступления, вызвавшие неосторожные последствия в виде исчезновения людей.

Учение о личности преступника не может быть исчерпывающим без понимания проблемы личности вообще и ее жизнедеятельности в частности.

Ключевые слова: личность преступника; статья; квалификация преступления; типология преступников; статистическая совокупность; похищение людей.

В статье речь пойдет о необходимости и научной целесообразности построения типологии преступников как исходного пункта обобщенного изучения их личности. Как справедливо отмечает Г.И. Чечель, несмотря на известную условность любой классификации и типологии, их построение представляет собой один из важных и необходимых этапов научного исследования [1, с. 127].

Требуется особо подчеркнуть необходимость построения типологии, а не классификации или группировки преступников. Под группировкой в криминологии чаще всего понимается «определенное распространение статистической совокупности на определенные группы, категории с использованием такого критерия, как статистическая распространенность одного или нескольких признаков» [2, p. 296]. Классификация имеет весьма жесткие критерии выделения групп и подгрупп преступлений и преступников. Как справедливо отмечается в литературе, «классификация основана на сходстве лиц, совершающих преступления, в пределах каждой их группы, характеризующемся (сходстве) наличием у этих лиц некоторых общих свойств. При этом сходство противопоставляется несходству» [3, с. 17].

Типология не предусматривает такой жесткой дифференциации. При ее построении отмечаются определенные признаки, но при этом происходит выявление наиболее вероятных для той или иной группы преступников свойств личности. «Типология - это метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщений, идеализированной модели или типа» [4, p. 63]. Типология обобщает совокупность типичных для всех или определенных групп преступников социальных особенностей, в то время как классификация подразделяет преступников на группы согласно единичному, индивидуальному признаку (например, разделение по видам совершенных преступлений, по социально-демографическим признакам, по признакам социального положения, по роду занятий, месту проживания, состоянию в момент совершения преступления и пр.).

Для большей достоверности и научной обоснованности составляемой нами типологии преступников необходимо в первую очередь создать ее методологическую основу. Как нам представляется, типология лиц, совершающих преступления, сопряженные с безвестным исчезновением лиц, должна отвечать основным требованиям, предъявляемым ко всякой логической типологии, а именно:

– она должна отражать естественное, объективно существующее распределение преступников по группам (категориям) с тем, чтобы относительно всех членов группы можно было утверждать нечто специфическое и важное;

– признаки, положенные в основу типологии, должны быть существенными в онтологическом смысле, т.е. присущими всем членам группы. Такие признаки могут быть как собственными, т.е. присущими только членам данной группы, так и несобственными, т.е. присущими и другим лицам [5, с. 16].

Ряд ценных предложений касательно классификации преступников был высказан А.Б. Сахаровым, М.И. Ковалевым, Н.А. Беляевым, В.Т. Лашко и другими авторами. Что же касается уголовного закона, то в нем классификация преступников дана в связи с определением порядка отбытия ими наказания в виде лишения свободы. Этой классификацией, построенной на нескольких критериях (возраст, пол, степень общественной опасности), не могут быть исчерпаны потребности криминологического исследования личности преступника в целом и рассматриваемой нами категории в частности, так как она приводит к образованию очень крупных групп, в силу чего особенности, присущие более мелким группам, нивелируются.

Представляется, что целям настоящего исследования отвечает построение такой типологии, когда в качестве критерия используется конкретная форма установки личности преступников, совершающих общественно опасные деяния, сопряженные с безвестным исчезновением граждан. Указывая на необходимость введения в классификацию преступников определенного системообразующего признака, ученые расходятся во взглядах на определение этого признака. В различных теоретических построениях исходными позициями выступают: отношения личности (В.Н. Мясищев), внутренняя позиция (Л.И. Божович), направленность личности (К.К. Платонов), личностный смысл (А.Н. Леонтьев), установки личности (Д.Н. Узнадзе), ценностные ориентации (А.В. Петровский), диспозиции личности (В.А. Ядов) и пр.

Различия в психологической специфике рассматриваемых понятий, на наш взгляд, не играют принципиальной роли в криминологии и позволяют

классифицировать рассматриваемых нами преступников на лиц с устойчивыми, ярко выраженными антиобщественными установками (ориентацией, диспозицией или направленностью) и лиц, таковой установкой не обладающих. Предлагаемая нами типология является традиционной для криминологии и отвечает целям настоящего исследования, поскольку помимо криминологической значимости она обладает определенной ценностью и для уголовного права, в частности для целей индивидуализации уголовной ответственности и наказания виновных. Кроме того, разделение преступников на лиц с ярко выраженной антисоциальной установкой и без таковой позволит составить целостное представление о самом факте совершения преступления, сопряженного с безвестным исчезновением потерпевшего, о ситуации, предшествовавшей совершению преступления, о взаимоотношениях с жертвой, о причинах и условиях совершения преступления, и, конечно, о необходимости и целесообразности различных профилактических мер.

К первой группе преступников мы предлагаем условно отнести:

– лиц, совершающих похищения людей с целью получения выкупа либо последующей продажи или эксплуатации потерпевших;

– лиц, совершающих террористические акты или иные преступления, создающие опасность гибели людей и повлекшие их исчезновение.

Вторую группу преступников, на наш взгляд, образуют лица, совершившие преступления, вызвавшие неосторожные последствия в виде исчезновения людей.

Возможен и более детальный вариант рассматриваемой типологии. В зависимости от характера личностных и ситуативных установок виновного можно выделять:

– лиц с негативно-пренебрежительной установкой по отношению к человеку и его важнейшим правам. Применительно к рассматриваемой нами категории преступников подобное отношение типично для лиц, совершающих террористические акты или убийства, сопряженные с исчезновением людей или сокрытием трупов;

– преступников с корыстной установкой. К данному типу относится около 90 % лиц, совершающих похищение человека (как правило, преследуется цель получения выкупа или эксплуатации похищенных людей);

– лиц с эгоистическим отношением к различным социальным институтам, к своим общегражданским, служебным или семейным обязанностям. Подобное отношение, как правило, обусловливает совершение семейно-бытовых убийств с последующим сокрытием трупов (такой тип чаще всего называют ситуативным), а также ряда преступных нарушений специальных правил,

повлекших по неосторожности наступление тяжких последствий в виде безвестного исчезновения людей;

– лиц с легкомысленно-безответственной установкой по отношению к социальным ценностям или своим обязанностям. К этой группе можно отнести лиц, совершающих неосторожные преступления, а также ряд умышленных деяний, влекущих по неосторожности тяжкие последствия в виде гибели или безвестного исчезновения людей.

Однако это далеко не единственная из возможных типологий лиц, совершающих сопряженные с исчезновением людей преступления.

Предлагаем выделять криминогенный и случайный типы преступников. При этом первый имеет три подтипа: последовательно-криминогенный (как правило, лица, совершающие похищения людей или террористические акты), ситуативно-криминогенный и ситуативный (характерен для подавляющего большинства семейно-бытовых убийц, в последующем скрывающих трупы).

В зависимости от степени общественной опасности личности и совершаемых ею преступлений можно выделить:

– особо опасных преступников;
– профессиональный тип;
– привычный тип;
– случайного преступника.

Несмотря на многообразие имеющихся типологий, в рамках практически всех из них выделяют четыре типа личности преступника, сохраняя основу типологии - степень устойчивости преступного поведения в различных ситуациях.

Следует полагать, что по мере того как мы будем ограничивать предмет изучения лишь отдельными частными совокупностями, выбранными из всей массы преступников рассматриваемой нами категории, число типических признаков будет быстро возрастать. Однако это вовсе не означает, что мы отрицаем необходимость исследования индивидуального преступного поведения. Как гласит один из основных постулатов материалистической диалектики, познание общего возможно лишь через глубокое проникновение в отдельное.

Именно по этой причине обобщенное изучение преступников, на наш взгляд, немыслимо без индивидуального изучения их личности, а результаты обобщения не подменяют данных о личности реального человека во всем его неповторимом своеобразии. «Типический» же преступник всегда остается лишь научной абстракцией, хотя и очень полезной для криминологии. Таким образом, единственно правильный путь криминологического исследования

личности состоит в сочетании индивидуального подхода к каждому преступнику с широким обобщением полученных отдельных результатов.

Личность преступника, на наш взгляд, должна рассматриваться как широкое, емкое, но при этом условное понятие, выражающее социальную сущность лица. Прежде всего, оно должно включать в себя те признаки, которые характеризуют субъекта преступления. Однако в понятии личности преступника указанные признаки отражают более широкое, емкое, разнообразное и вместе с тем детализированное содержание. Личность преступника охватывает, кроме того, многие другие признаки индивида, не связанные с его правовой характеристикой как субъекта преступления.

Как нам представляется, под признаками личности преступника следует понимать не только некоторые качества самого лица, но и данные, касающиеся среды, в которой этот человек пребывает или пребывал.

Под признаками личности подразумеваются явления, зависящие и не зависящие от воли человека, предусмотренные и не предусмотренные законом в качестве обязательных элементов состава преступления, детерминированные преимущественно социальными условиями, имеющие смешанную - социальную и несоциальную - природу (например, темперамент) или вообще несоциальные (например, состояние здоровья).

Под социальными признаками мы понимаем данные, которые характеризуют человека как члена общества. При этом социальные признаки, в свою очередь, могут быть разделены на неспецифические и специфические, или социальные в узком понимании этого термина. Неспецифические признаки, взятые применительно к отдельному лицу, ничего не говорят о его социальном облике. Будучи же отнесенными к сравнительно большой группе преступников, эти признаки позволяют выявить чрезвычайно важные для криминологии явления. В числе главных неспецифических признаков личности мы предлагаем рассматривать пол, возраст, место жительства и семейное положение. Все эти признаки могут быть объединены общим названием - демографические.

Социальные признаки позволяют делать непосредственные выводы о лице или группе. К числу основных социальных признаков мы предлагаем относить образовательный и культурный уровень, отношение к труду, данные, характеризующие противоправное поведение (совершенные в прошлом и настоящем преступные деяния, административные деликты, иные правонарушения и относящиеся к ним сведения).

Необходимо отметить, что изъятие любой из подструктур личности разрушает целостность всей структуры, поскольку ни одна из них не может существовать самостоятельно. Все они находятся в определенных взаимоотношениях и взаимосвязи, благодаря чему мы имеем дело не с их

простой суммой, а со сложной совокупностью элементов, образующих в целом личность преступника.

Однако предлагаемая схема не исключает существования иных вариантов структуры личности. Тем не менее при всем их разнообразии ни одна схема не содержит в себе каких-либо специфических черт, присущих именно личности преступника, ибо последняя отличается от личности вообще не отсутствием или наличием каких-либо компонентов структуры, а прежде всего содержанием и направленностью ее компонентов.

Именно по этой причине мы считаем принципиально важным выделение четырех основных типов личности лиц, совершивших преступления, сопряженные с исчезновением людей:

– преступники с корыстной установкой, или направленностью;

– лица с негативно-пренебрежительной насильственной установкой;

– виновные с ярко выраженной индивидуалистической, эгоистической установкой;

– лица с легкомысленно-безответственным отношением к своим обязанностям.

Под установкой мы понимаем характеризующее данного человека и своеобразно переживаемое им избирательное отношение к действительности, влияющее на его деятельность. Установка является ведущим элементом в психологической структуре личности. Она оказывает определяющее влияние на другие элементы: объем знаний, характер проявления биологически обусловленных свойств (темперамента, задатков) и т.д. Более того, установка порой имеет решающее значение для определения социального типа личности.

Криминологическая характеристика лиц, обладающих корыстной установкой и совершающих умышленное преступление, сопряженное с исчезновением людей

Проведенное нами исследование показало, что подавляющее большинство (около 85–90 %) преступников рассматриваемой категории составили лица, похищавшие людей с целью получения выкупа, дальнейшей продажи или эксплуатации жертв.

С точки зрения социально-демографических признаков рассматриваемую группу преступников в основном составляют мужчины (около 90 %). Это можно объяснить как социальными, так и физиологическими факторами. Во-первых, похищение человека, как правило, совершается организованными преступными группами, которые традиционно состоят из мужчин, а во- вторых, подавляющее большинство женщин в силу физических и психических особенностей не всегда могут осуществить похищение человека. К поведению

женщин общество традиционно предъявляет более жесткие, чем к мужчине, требования, предвзято оценивая ее выход за рамки общепринятых правил. Как справедливо отмечает Д.Ф. Шели, «способность и готовность женщин совершать преступления сильно ограничены социальным контролем. За женщинами пристально наблюдают, особенно в течение того периода, когда происходит формирование их личности, и любое неподобающее поведение влечет за собой определенные санкции. Готовность рисковать, поощряемая у мальчиков, пресекается у девочек» [6].

Слабость женщин по сравнению с мужчинами (реально существующая или воображаемая) ставит их в невыгодное положение в рассматриваемом виде криминального бизнеса, где приоритетное значение имеет физическая сила. Как правило, при похищении людей женщины действуют в одиночку либо играют роль подстрекательниц или пособниц.

Если женщина совершает похищение человека, то она, как правило, действует в составе организованной преступной группы: выполняет роль приманки; предоставляет информацию о потенциальных потерпевших, спаивает жертв и пр. Распространены также случаи, когда женщине доверяется забота и уход за похищенным человеком в месте его удержания. Если похищение осуществляется женщиной в одиночку или в составе малой преступной группы, то жертвами обычно являются малолетние, несовершенно-летние или престарелые лица. Типично женский способ совершения преступления - похищение путем обмана.

Что касается возрастного состава преступников, то необходимо отметить относительно низкую долю несовершеннолетних лиц (они составили около 5 % от общей доли похитителей). Подобную ситуацию можно объяснить рядом причин объективного характера.

Похищение людей как вид преступной деятельности предполагает наличие у преступников определенных навыков и способностей. От них требуется не столько применение физической силы к похищаемому, сколько умение вселить страх в него и его близких (если речь идет о похищении с целью выкупа или выполнения определенных требований). Более того, реалии криминального бизнеса (например, торговли людьми) требуют наличия у членов организованной преступной группы специальных знаний в различных областях (чаще всего в сфере права и экономики).

В целом возрастной состав рассматриваемой нами категории виновных представлен следующим образом: до 18 лет - 5 %; 18-24 лет - 18 %; 25-29 лет - 33 %; 30-39 лет - 39 %; 40-49 лет - 4 %; 50 лет и старше - 1 %.

Как мы видим, наиболее активная возрастная группа - это лица зрелого, реже - молодого возраста, что совпадает с наиболее активным периодом жизни человека.

Как нам представляется, относительное преобладание лиц молодого возраста является показателем негативной криминологической ситуации в стране. Около 33 % похитителей - молодые, но уже вполне профессиональные преступники, связывающие свое материальное благополучие и социальное положение с криминальной деятельностью. В этой связи весьма своевременным и справедливым представляется утверждение Г. Беккера: «Преступная деятельность - такая же профессия, которой люди посвящают время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками… потому, что они ожидают, что «прибыль» от разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, превосходит «прибыль» от занятия иными профессиями» [7].

Интерес представляет тот факт, что для похитителей зрелого возраста характерна, как правило, корыстная мотивация (99 %), в то время как поведение молодых лиц нередко обусловливается и иными побуждениями: месть, ревность, бравада, повышение своего статуса в глазах представителей криминальной среды и пр.

Следует также отметить, что свыше 25 % похитителей ранее привлекались к уголовной ответственности, при этом большинство из них (около 60 %) несли уголовную ответственность за корыстные и корыстно-насильственные преступления. При этом свыше половины имели по две и более судимости.

Структура судимостей наглядно демонстрирует социальную и в некоторой степени психологическую структуру личности похитителей: 41 % составляют судимости за кражи, грабежи и разбои; 17 % - за хулиганство; 30 % - за угоны, изнасилования, незаконный оборот наркотиков и оружия; 9 % - за вымогательство; 1 % - за похищения людей. Печально, но нет объективных оснований для объяснения невысокого показателя специального рецидива эффективностью уголовного закона, поскольку стремительный рост количества похищений людей наметился лишь в середине 90-х гг. прошлого столетия.

Примечательно также, что среди похитителей людей наблюдается довольно высокий для преступников образовательный уровень. Как свидетельствуют проведенные нами исследования, высшее и незаконченное высшее образование имеют около 23 % осужденных за похищения человека, свыше 70 % имеют среднее или среднее специальное образование. В литературе можно встретить утверждение, что «если раньше взаимозависимость уровня образования и криминогенности была общепризнанной, высокий образовательный уровень рассматривался как

антикриминогенный фактор, то, учитывая реалии дня настоящего, можно говорить о том, что это не всегда так». С данной позицией мы согласны лишь отчасти. Как справедливо утверждает С.Ф. Милюков, «нельзя отождествлять количественный и качественный уровень образования. Равноценны ли для общества образование выпускника учебного заведения, окончившего его с отличием и получившего только удовлетворительные отметки? Конечно, нет» [8, с. 135].

Специальное исследование уровня образованности членов организованных преступных групп было проведено В.Н. Сафоновым. Согласно полученным им данным, успеваемость студентов вузов и лиц, уже имевших высшее образование и ставших членами организованных преступных групп, значительно ниже среднестатистической успеваемости студентов этих же вузов. Из-за низкой успеваемости более 70 % из них не получали стипендию, 65 % студентов - членов организованных преступных групп имели задолженности по различным предметам, из-за чего 38 % из них исключались из вузов, а еще в отношении 21 % ставился вопрос об их отчислении [9, с. 173].

Однако нами была выявлена следующая интересная закономерность: если похищение человека совершалось организованной преступной группой, то именно образование влияло на распределение криминальных функций в ней и на характер внутригрупповой роли. При изучении материалов уголовных дел нами было замечено, что лица, обладавшие более высоким образовательным уровнем, значительно чаще занимали лидирующее положение в самих преступных формированиях, специализирующихся на похищениях людей, зачастую уступая физически своим «компаньонам», которых они использовали в качестве физической силы (так называемые «бойцы», «быки» и т.п.), хотя для руководителей формирований похитителей более свойственно сочетание достаточно высокого образовательного, интеллектуального уровня и физических возможностей.

Определенный интерес вызывают сведения о социальном положении и трудовой занятости похитителей. По нашим данным, около 30 % из них нигде не работали; 25 % были заняты в коммерческих структурах на должностях, которые не требовали постоянного нахождения на рабочем месте и исключали жесткий контроль со стороны работодателей или администрации; 22 % хотя и называли себя работающими в качестве охранников, экспертов по бизнесу, экспедиторов, разнорабочих и др., на самом деле нигде не работали. Настораживает также тот факт, что в похищении людей довольно часто участвовали студенты (более 12 %). Доля предпринимателей среди похитителей составляет около 19 %.

Несколько более детализированную информацию содержат выводы специальных криминалистических исследований. Так, по данным А.И. Дворкина, Ю.М. Самойлова, В.Н. Исаенко и А.Ш. Ризаева, значительное число похитителей составляли лица, нигде не работающие и не учащиеся, хотя многие их них имели постоянное место жительства. Большинство безработных ранее занимались малоквалифицированным трудом и уволились с государственных предприятий, так как не смогли адаптироваться к сложившимся социально-экономическим условиям. Немалая часть (38,7 %) преступников работала в различного рода коммерческих структурах, из них многие - на рядовых должностях (рабочими, охранниками либо ночными сторожами, грузчиками и т.п.). Похитителями являлись также работники коммерческих структур, выполнявшие в них организаторские и руководящие функции. Многие из преступников рассматриваемого нами типа возглавляли частные охранные предприятия, торгово-закупочные, посреднические организации, фирмы по оказанию различных услуг (чаще по продаже недвижимого имущества), занимались индивидуальной трудовой деятельностью, мелким бизнесом, торговлей на рынках. Остальные участники преступных групп являлись работниками государственных предприятий и учреждений, студентами вузов, учащимися средних школ и ПТУ [10]. Отмечены также случаи, когда в преступные группы, совершающие похищение, входили сотрудники полиции. В основном их функции состояли в осуществлении беспрепятственного входа под вымышленным предлогом в жилище потерпевшего посредством злоупотребления его доверием; транспортировки похищенного в место его насильственного удержания; предоставлении своей формы или служебного удостоверения другим участникам похищения для облегчения его совершения.

Определенный интерес представляет также семейное положение похитителей. Являясь «первичной ячейкой общества», семья оказывает существенное влияние на интеллектуальное, эмоциональное и физическое развитие ее членов, формирование потребностей и ценностных ориентаций. Как справедливо указывается в литературе, «к основным функциям семьи относится рекреационная (восстановительная) - восполнение физических и психических сил человека для развития и выполнения своих обязанностей в общественно-производственных и других сферах жизнедеятельности» [11, p. 21]. На наш взгляд, основные функции семьи заключаются также в первичной социализации несовершеннолетних и других членов семьи, в психологической защите личности и микрогруппы в быту. В социологии выделяют два основных вида семьи - супружеская и родительская. Значимость первой заключается в

рекреационном воздействии на членов семьи, функция второй - социализация личности.

Как замечает Д.А. Шестаков, «супружество само по себе является антикриминогенным фактором. Появление семейного общения и забот занимает свободное время гражданина и уже этим фактором ограничивает действие на него внешних криминогенных влияний» [12]. Результаты проведенных нами исследований показали, что около 40 % похитителей не состоят в официальном браке, при этом 30-35 % сожительствуют с женщинами. Около 45 % составляют женатые лица, у 15 % из них семьи распались либо супруги находились на грани развода. Характерно, что многие лица, имеющие детей, связывали формирование своего семейного бюджета исключительно с криминальным бизнесом (а именно с похищением людей). Как правило, этот контингент составляют выходцы из Чечни или сопредельных республик Северного Кавказа.

Родительская семья, на наш взгляд, может выступать как серьезный антикриминогенный либо, напротив, детерминирующий преступную деятельность фактор. Все зависит от характера социализации личности. Криминогенное влияние родительской семьи в известной ситуации может обнаружиться и многие годы спустя, обусловливая во взаимодействии с другими факторами совершение преступления [13].

По нашим данным, в неполных семьях воспитывалось около 25 % похитителей. Родители, как правило, были заняты тяжелым, неквалифицированным трудом в сельской местности или работами на низкооплачиваемых местах в городе. Нередкими явлениями в семье были драки, употребление спиртных напитков или наркотиков, а также судимости членов семьи. Образовательный уровень родителей в большинстве случаев был достаточно низок: более 60 % из них имели лишь неполное среднее образование. Полученные нами результаты вполне закономерны. Специально проводимые социологические исследования подтверждают доминирующее влияние уровня образования родителей на культурную деятельность семьи. Низкий уровень образования ограничивает возможности культурного развития семьи. Ее культурный уровень зависит от характера духовных потребностей членов семьи и способов удовлетворения этих потребностей.

Анализ этнических признаков похитителей показал, что из граждан Российской Федерации только треть преступников были русскими. Подавляющее большинство преступников составляли жители республик Северного Кавказа (чеченцы - 48 %, дагестанцы - 23 %, кабардинцы - 18 %, ингуши - 12 %, осетины - 7 % и т.д.).

Несмотря на эти очевидные показатели, мы не стремимся объяснять криминальные склонности преступников исключительно этническими особенностями. На наш взгляд, национальность сама по себе не может обусловливать криминальное поведение своих представителей. Несомненно, люди различных этносов отличаются друг от друга темпераментом и психикой, но это различие не является основной причиной совершения ими преступлений.

Анализ материалов уголовных дел позволил нам выделить два основных типа преступных организаций, занимающихся похищением людей и торговлей ими. Они могут быть либо «предпринимательскими» (небольшими, жестко ориентированными преступными организациями - около 30 %), либо «криминальными» (большими, более структурированными, занимающимися, как правило, и иными видами криминальной деятельности). А их участников, в свою очередь, можно разделить на тех, которые относятся к «ядру» организации, как то: руководители, вербовщики, перевозчики и непосредственные владельцы, и «периферии» [14, p. 27]. В последнюю группу входят охранники, исполнители, информаторы и лица, обеспечивающие необходимые документы для перемещения похищенных через государственную границу.

Как показал анализ уголовных дел, в 70 % случаев организованные преступные группы, специализирующиеся на похищениях людей, состояли из местных жителей и действовали на своей территории, около 9 % гастролировали по территории России и стран ближнего зарубежья [15, с. 26].

Каждая четвертая преступная группа имела этнический характер и состояла из жителей кавказских республик, каждая пятая была смешанной по национальному составу. Примечательно, что в смешанных группах русским отводились второстепенные роли наводчиков, водителей, съемщиков квартир, охранников похищенных и пр.

На территории РФ действуют также группы похитителей-иностранцев. Значительную их часть составляют жители стран ближнего зарубежья (как правило, это украинцы, азербайджанцы, таджики и узбеки). Что же касается жителей других государств, то наиболее активные иностранные группировки на территории России состоят из вьетнамцев, китайцев и корейцев, которые специализируются на похищении своих же сограждан [16].

Лидеры организованных преступных групп, занимающихся похищениями, относятся к более старшим возрастным группам, чем другие участники (по нашим данным, более 70 % лидеров - это лица в возрасте от 35 до 50 лет). Как правило, они имеют необходимый жизненный опыт, связи в криминальном мире и чаще всего избегают привлечения к уголовной ответственности. По семейному положению лидеры организованных преступных групп мало

отличаются от населения соответствующего возраста и пола. Отличительной чертой преступников данной категории является высокий образовательный уровень. По нашим данным, около 40 % из них имеют высшее или незаконченное высшее образование. Следует также отметить, что качественные изменения в характере преступной деятельности обусловили потребность в лидерах и авторитетах нового типа, знающих экономику и право. Однако в настоящее время эта тенденция еще не приобрела всеохватывающего характера. Что касается трудовой занятости, то свыше 60 % лидеров нигде не работают, около 30 % занимаются предпринимательством [17].

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что лица, похищающие людей, это, как правило, профессиональные преступники, осознанно выбравшие данный вид деятельности и имеющие ярко выраженную антисоциальную установку. Такие лица сознательно готовят себя к преступной деятельности. Похищение людей не вызывает у них никакого внутреннего осуждения. Данный тип преступника отличается выраженным правовым нигилизмом и корыстной направленностью. Похититель, как правило, расчетлив, хитер, сметлив, умеет рисковать и подчиняет себе других, считает, что деньги решают все.

Основными и наиболее устойчивыми факторами виктимности исчезнувших лиц выступают их социальные особенности. По степени значимости - конкретные жизненные ситуации, в которых находится потерпевший, и специфика выполняемой им роли в рамках преступной ситуации. И лишь затем следуют психофизиологические особенности жертвы, исчезнувшей в результате совершения преступления [18]. На степень риска совершения преступления влияют такие социальные факторы, как образ жизни потенциального потерпевшего, его социальные функции и материальное положение, контакты с правонарушителями, наличие у жертвы или ее семьи привлекательных для преступников объектов, отсутствие эффективной охраны и пр. В числе ситуативных факторов преступлений, сопряженных с исчезновением людей, особую значимость приобретает близость криминальных «горячих» точек, зон боевых действий, а также нахождение в местах большого скопления народа, где велика вероятность совершения террористического акта, сопряженного с массовой гибелью людей [19]. Психологические, физиологические и физические особенности жертвы могут играть существенную роль в развитии и реализации мотивации преступного поведения и механизма совершения некоторых преступлений, сопряженных с исчезновением людей (серийные убийства, сопряженные с сокрытием трупов, похищения с целью изъятия органов или тканей человека для трансплантации, похищение людей и торговля ими).

Реже, но все же можно встретить такую категорию похитителей, которые воспринимают совершаемые ими преступления не как профессиональную деятельность, а как временный ощутимый и значимый заработок (по нашим данным, такие лица составляют не более 10 % от общего числа похитителей). Но, как показывает практика, исключения лишь подтверждают правила.

Представленная статья не разрешает всех существующих проблем, связанных с исчезновением граждан. Последующие исследования могут протекать в русле определения детерминанта преступлений, сопряженных с исчезновением граждан, составления криминалистических методик расследования этих преступлений и поиска граждан, изучения преступлений, когда исчезновение человека стало результатом его собственных криминальных действий.

Библиография

1. Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 1992.
2. Johnson A. Experimental realism. L., 2013.
3. Михаль О.А. Классификация преступлений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 1999.
4. Bles M. The kidnap business / Mark Bles, Robert Low. L.: Pelham Books, 2012.
5. Блувштейн Ю.Д. Личность преступника как предмет криминологического исследования // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 13. М. : Юрид. лит., 1971. С. 3–21.
6. Hirschel J.D. Who is missing? The realities of the missing persons problem / J. David Hirschel, Steven P. Lab // Journal of Criminal Justice. 1988. Vol. 16, iss. 1. P. 35-45.
7. Беккер Г. Экономический анализ и преступное поведение // THESIS (Теория и история экономических и социальных институтов и систем): альманах. М.: Начала-Пресс, 1993. Т. 1, вып. 1. С. 24-40.
8. Милюков С.Ф. Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступника: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1980.
9. Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Знание: С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, 2000.
10. Растегаев А.А. О методике изучения влияния социальных условий на преступность // Влияние социальных условий на преступность: сб. науч. тр. /

под ред. И.М. Гальперина. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1983. С. 30-41.

11. Predybailo V.A. Criminological characteristics and prevention of illegal migration in Russia (federal and regional aspects): Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2012.

12. Шестаков Д.А. Корыстная направленность и ее формирование в криминогенной семье // Вестник Ленинградского университета. 1983. № 5. С. 79–84.

13. Conley J.M. Terrorism versus the United States the threat and response to terrorist Kidnappings / John M. Conley // Terrorism. 2014. Vol. 12, № 6. P. 383-385.

14. Westrick A.J. Surviving «fatal» encounters: An analysis of violence involving police officers wearing body armor, their situational definitions, interactional experience and symptoms of posttraumatic stress disorder: thesis … degree Ph.D / Aaron Jude Westrick. Washington DC, 1999.

15. Соколов Д.А. Криминологическая характеристика организации незаконной миграции: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.

16. Health of the nation and national security / A.I. Dolgova (ed.). Moscow: Russian Criminological Association Publ., 2013.

17. Кахбулаева Э.Х. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. .

18. Предыбайло В.А. Криминологическая характеристика и профилактика незаконной миграции в России (общефедеральный и региональный аспекты): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.

19. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология.: Ин-т государства и права РАН, 1995.